

**НЕОИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ
В ИСТОРИКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ:
К ПРОБЛЕМЕ РАСШИРЕНИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО
ИНСТРУМЕНТАРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА**

© 2010 В. В. Захаров

*докт. юрид. наук,
зав. каф. теории и истории государства и права,
декан юридического факультета
e-mail: zaharov.72@mail.ru*

Курский государственный университет

В статье рассматриваются эвристические возможности новой институциональной теории в сфере историко-правовых исследований. Дана характеристика основных положений неинституционализма. С использованием ее инструментария освещена динамика судебного реформирования в XIX – начале XX в. Предложена новая интерпретация преобразований в области правосудия во второй половине XIX в.

Ключевые слова: история государства и права, методология, неинституционализм, судебная реформа, правосудие, модернизация.

Методология исследования истории государства и права периодически привлекает к себе внимание специалистов. Конец XX – начало XXI в. отмечен попытками расширить методологические подходы к интерпретации эмпирического материала, накопленного учеными, что объясняется исчезновением идеологического контроля, который на протяжении советской истории сдерживал научные поиски в указанной сфере. Наряду с дополнительными доказательствами плодотворности исторического материализма¹, в научной литературе представлены, скажем, примеры использования потенциала культурологического² и других инструментариев³. Тем не менее отметим, что внимание к проблемам методологии историко-правовых исследований недостаточно. Представляется плодотворным поиск в междисциплинарном русле: необходимо оценить эвристические возможности направлений, наработанных в смежных отраслях знания.

Автор данной статьи обращает внимание исследователей на потенциал новой институциональной теории, или «нового институционализма», который к концу XX в. получил широкое распространение в различных отраслях научного знания, прежде всего в экономике и политологии⁴. Представители данного подхода поставили вопрос о значении институционального фактора в развитии тех или иных сфер общества. Исследователи постарались выяснить возникновение институтов, закономерности институциональных изменений, многообразные эффекты институтов.

¹ См., напр.: Новицкая Т. Е. Некоторые проблемы методологии исследования истории государства и права // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2003. № 3. С. 75–103.

² См., напр.: Мордовцев А. Ю., Попов В. В. Российский правовой менталитет. Ростов/н-Д, 2007; Синюков В. Н. Российская правовая система. Саратов, 1994.

³ См.: Теоретико-методологические проблемы права. Вып. 2. М., 2007.

⁴ См., напр.: Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997; Панов П. В. Теории политических институтов. Пермь, 2004; Сэндлер Т. Экономические концепции для общественных наук. М., 2006.

Неоинституциональный подход завоевал в последние десятилетия огромную популярность; возникли и получили развитие самые разнообразные теории: нормативный институционализм, институционализм рационального выбора, исторический институционализм, эмпирический (структурный) институционализм, институционализм в исследованиях внешней политики и международных отношений, социетальный институционализм и др.⁵ В одних случаях они являются конкурирующими, а в других - дополняющими друг друга. Кроме того, чрезвычайно широк и многообразен круг проблем, который рассматривается в рамках институционализма.

Однако при всех отличиях теоретики институционализма отталкиваются от общего методологического принципа: институты - чрезвычайно важный, хотя и не единственный фактор общественного развития. Вероятно, поэтому известные американские институционалисты Д. Дьермейер и К. Кребил подчеркивают, что институционализм - более методология, чем миссия: его значимость не в том, чтобы показать, что институты имеют значение, а в том, чтобы методологически направлять научные исследования⁶. В определенной мере можно сказать, что методологически институциональный подход стремится «впитать в себя» ключевые достижения науки за весь период ее развития, осуществить «методологический синтез». Все это делает обращение к неоинституциональной методологии чрезвычайно актуальным.

Отправной точкой неоинституционализма выступает понятие института. Подходов к его определению много, но чаще всего принимается дефиниция Д. Норта, который считает, что институты – это «правила игры», или «созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми... Институты включают в себя все формы ограничений, чтобы придать определенную структуру человеческим взаимоотношениям»⁷.

Все многообразие институтов неоинституционалисты сводят обычно к двум разновидностям: формальные и неформальные. Формальные институты – «легальные правила игры, предписывающие, какие действия и при каких условиях разрешены (или нет) или обязательны (или нет)». Неформальные институты – «социальные практики и ритуалы, основывающиеся на подчинении культурным ценностям и нормам». «Формальные институты в основном имеют отношение к компетенциям и обязанностям, в то время как неформальные институты имеют дело с моделями поведения, которые должны соответствовать данным обстоятельствам»⁸.

Принципиальная разница между ними состоит прежде всего в способах их утверждения, фиксации и поддержания. Речь идет о том, что формальные институты, в отличие от неформальных: 1) устанавливаются полномочными субъектами; 2) фиксируются в письменной форме; 3) предполагают наличие санкций за их несоблюдение (обязательность исполнения)⁹.

Общая черта всех теорий возникновения и изменения институтов состоит в том, что они являются в первую очередь способом координации социальных взаимодействий и приносят коллективную выгоду. Их возникновение объясняется тем, что они позволяют снизить трансакционные издержки, дают большую степень

⁵ Peters G. Institutional Theory in Political Science: «The New Institutionalism». London - New York, 1999. P. 19-20.

⁶ Diermeier D., Krehbiel K. Institutionalism as a Methodology // Journal of Theoretical Politics. 2003. Vol. 15. № 2. P. 124

⁷ Норт Д. Указ. соч. С. 17-18.

⁸ См.: Шепсл К. Изучение институтов: Некоторые уроки подхода рационального выбора // Рациональный выбор в политике и управлении / под. ред. Л. В. Сморгунова. СПб., 1998. С. 215; Knight J. Institutions and Social Conflict. Cambridge, 1992. P. 94.

⁹ См.: Панов П. В. Указ. соч. С. 141.

определенности и стабильности или удовлетворяют другим нуждам (социально оптимальны, эффективны в увеличении ресурсов и т. д.). Все неоинституционалисты признают, что институциональная структура – продукт деятельности акторов. При этом многие из исследователей не отрицают, что отдельные институты могут давать неодинаковые преимущества для различных акторов («дистрибутивный эффект»).

Стоит сказать, что в науке присутствует и иная точка зрения, которую разрабатывают представители дистрибутивной теории институтов. Согласно этой концепции институты возникают не как средство координации и решения проблемы коллективного действия, а как побочный конфликт борьбы за власть и распределение ресурсов в обществе. Сторонники такой позиции не отрицают, что институты могут иметь коллективную пользу, но эта польза – не главное в объяснении природы институтов¹⁰.

Итак, одна часть институтов (неформальные) возникает и изменяется спонтанно и постепенно (эволюционно, инкрементно). Другая часть (формальные институты) является следствием преднамеренных действий рациональных акторов. Эти институты изменяются революционно (дискретно). Таким образом, траектория развития двух видов институтов может не совпадать. Именно это и порождает проблемы. Введение формальных институтов может вступать в противоречие с ожиданиями участников социального взаимодействия, которые основаны на институтах, действовавших прежде (неформальных)¹¹.

Специалисты выделяют два основных механизма создания формальных институтов: «легализация неформальных» и «импорт». Первый – легализация неформальных норм – представляет собой придание последним писаной формы и необходимой степени универсальности. Второй механизм создания формальных институтов – «импорт» или «трансплантация» институтов. Термин «импорт» пришел в институциональные исследования из экономики, а «трансплантация» – из права. По определению голландских ученых, «институциональная трансплантация включает в себя сознательное стремление изменить существующие институты и заменить или дополнить их новыми институтами, заимствованными из других стран или из другого контекста»¹². В отличие от первого механизма сознательные и обладающие политической волей акторы устанавливают такие формальные институты, которые не являются легализацией действующих неформальных правил, а отличаются от них.

Возможны, по мнению А. Олейника, три источника «импорта» институтов: 1) из какой-либо теоретической модели («импорт из идеи»); 2) по образцам, когда-то существовавшим в истории страны, но затем исчезнувшим («импорт из прошлого»); 3) по образцам, существующим в других странах (импорт в буквальном смысле этого слова)¹³.

Если первые два варианта используются нечасто, то импорт иностранных институтов – типичное явление в мировой истории. Как правило, импортирование институтов было следствием гегемонии какой-то страны или группы стран на международной арене. Импорт институтов может осуществляться принудительно – путем навязывания победителями собственных правил, но гораздо чаще он протекает добровольно. Заимствование успешных институтов представляется как средство ускорения развития или как способ снижения затрат социального взаимодействия в

¹⁰ Там же. С. 119–128.

¹¹ См. подробнее: Олейник А. Тюремная субкультура. М., 2001. С. 24–30; Он же. Институциональная экономика. М., 2000. С. 223.

¹² The Theory and Practice of Institutional Transplantation: Experiences with the Transfer of Policy Institutions / Ed. by M. de Jong, K. Lalens and V. Mammadouh. Kluwer Academic Publishers, 2002. P. 283.

¹³ Олейник А. Институциональная экономика. С. 202–204. См. также: Поланьи К. Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени. М, 2002.

своих странах¹⁴.

Эффективность институциональной трансплантации зависит от степени сходства между импортируемым формальным институтом и господствующими в стране-импортере неформальными нормами. Многочисленные примеры доказывают, что чем меньше сходство между институтом-трансплантантом и его неформальным окружением, тем труднее идет операция. Возможны три основных сценария институционального развития после импорта институтов: конвергенция, дивергенция, институциональный «гибрид». В первом случае конгруэнтность формальных и неформальных норм приводит к ускорению институционального развития.

Сценарий дивергенции, напротив, означает, что импортированные правила не превращаются в социальные институты, не регулируют на практике социальные взаимодействия. Они остаются не более чем фасадом, за которым скрывается реальная жизнь, а порой вообще отторгаются общественным организмом¹⁵. Напряжение между импортированными формальными институтами и неформальным институциональным контекстом возникает вследствие того, что эти два вида институтов, как показано выше, изменяются в разных режимах. В результате этого институциональная трансплантация сопровождается рассогласованием неформальных и формальных институтов. Следствием этого является отторжение полностью или в какой-то части заимствованного института.

Институциональный «гибрид» допускает более сложную конфигурацию взаимоотношений между формальными и неформальными нормами. Если в сценарии дивергенции импортированные правила отторгаются обществом и не превращаются в институты, действительно регулирующие социальные практики, в «гибридном сценарии» они имеют значение, приобретая признаки института¹⁶.

Указанные институциональные трансформации могут быть интерпретированы через призму теории исторической обусловленности (path-dependency) институциональных изменений, которая предлагает в распоряжение исследователя следующую модель развития: «постепенные изменения – революционная ломка формальных правил – попытка внедрения нового институционального порядка в практику – частичная контрреформация»¹⁷.

Отталкиваясь от нее можно получить новый взгляд на модернизацию суда в XIX – начале XX в., который позволяет дистанцироваться от политизированных оценок, сформировавшихся как в дореволюционный период, благодаря усилиям либералов, стремившихся защитить завоевания судебной реформы 1864 г., так и в советской историко-правовой науке, преследовавшей цель доказать многие преобразования исключительно уловками царизма, не желавшего расставаться с властью.

В первой половине XIX в. совершенствование организационных и функциональных аспектов отечественного правосудия происходило посредством постепенных изменений, которые вносились в процессе умеренных, а чаще всего минимальных реформ. Они сопровождалась, с одной стороны, опорой на «исторические начала», что выражалось в попытках усовершенствовать неэффективные отечественные институты, а с другой – заимствованием зарубежных институтов. Это объясняет определенную разнородность действий правительства Александра I. С одной стороны, восстанавливались суды, действовавшие в России еще

¹⁴ См.: Experiences with the Transfer of Policy Institutions / Ed. by M. de Jong, K. Lalenis and V. Mamrnadouh. Kluwer Academic Publishers, 2002. P. 4.

¹⁵ Олейник А. Институциональная экономика. С. 210–211.

¹⁶ Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // Полис. 2002. № 2. С. 28.

¹⁷ См.: Панов П. В. Указ. соч. С. 173; Тодд С. Указ. соч. С. 135–155

в XVIII в., но показавшие свою неэффективность (например, словесные, надворные суды), а с другой – создавались новые судебные органы (например, университетские, коммерческие суды), не все из которых оказались способны вжиться в существовавший в России институциональный контекст.

Николай I проводил более продуманную судебную политику, которая может квалифицироваться как предреформенная. Ее характерными чертами следует считать осознание конкретных проблем в российском правосудии, отнесение совершенствования судебной системы к числу приоритетных направлений внутренней политики, проведение системных минимальных реформ. Основной задачей политики в сфере судоустройства была оптимизация внутренней организации судебной системы и способов ее взаимодействия с другими государственными и социальными институтами. Главной задачей в области судопроизводства признавалось ускорение процесса. Способами решения указанных задач стали учреждение новых судов, частичные изменения в структуре и подсудности действовавших судов, корректировка механизма кадрового обеспечения органов правосудия, развитие примирительных форм правосудия, модификация делопроизводства в судах, реформирование мер и процедур принудительного исполнения судебных решений, усиление контроля за деятельностью судов¹⁸.

Но все эти преобразования в духе романтической историко-политической концепции, ядром которой являлись иррациональные «дух народа», «исторические начала»¹⁹, имели локальный эффект и не привели к принципиальным позитивным переменам во всей судебной системе. Судебная политика первой половины XIX в. не смогла сломать такой элемент традиционалистского образа институционального поведения, как вера в верховенство исполнительной власти и приниженное положение суда. Еще одной проблемой дореформенного суда стала волокита в производстве дел. Причинами этого являлись чрезмерная нагрузка на суды в связи с поступлением большого числа дел, неправильное производство по делу из-за непрофессионализма судей, злоупотребления со стороны судей и работников судебного аппарата и др. Сохранение принципа остаточного финансирования судебной системы не позволило создать удовлетворительные условия для работы служащих, препятствовало притоку в суды подготовленных специалистов²⁰.

В этих условиях иностранные модели правосудия рассматривались модернизаторскими элитами как необходимые и логичные элементы исторически успешного западного институционального проекта. Они не видели иной сколько-нибудь ясной альтернативной картины решения проблем правовой модернизации. Издержки на выработку альтернативного западному успешного проекта модернизации рассматривались как за пределами высокие. А потому был сделан выбор в пользу стран романской группы, имевших в середине XIX в. имидж государств правового мейнстрима в сфере организации правосудия. Именно опыт этих стран активно использовался в процессе подготовки судебной реформы 1864 г.²¹ Перед нами яркий

¹⁸ См. подробнее: Захаров В. В. Суд и институт исполнения судебных решений по гражданским делам в Российской империи первой половины XIX столетия: законодательные основы и проблемы их практической реализации (историко-правовое исследование). Курск: КГУ, 2008; Он же. Становление и развитие института судебных приставов в России (вторая половина XIX – начало XX века). М., 2010.

¹⁹ См.: Долгих Е. В. К проблеме менталитета российской административной элиты первой половины XIX века: М. А. Корф, Д. Н. Блудов. М., 2006. С. 117–118; Пресняков А.Е. Российские самодержцы. М., 1990. С. 267.

²⁰ См. подробнее: Захаров В. В. Суд и институт исполнения судебных решений по гражданским делам в Российской империи первой половины XIX столетия: законодательные основы и проблемы их практической реализации. Историко-правовое исследование. М., 2010. С. 222–257.

²¹ См.: Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 120. Оп. 1. Д. 128. Л. 18–19; Ф. 208.

пример достаточно революционной ломки формальных правил и внедрения нового институционального порядка в практику.

Введение заимствованных институциональных паттернов системы исполнения породило проблему их взаимодействия с традиционными паттернами. Уже первые шаги по применению судебных уставов 1864 г. выявили, как верно указывал М. Н. Катков, «несоответствие между отдельным узаконением и общими основаниями государственного права России»²². К. П. Победоносцев, который участвовал в подготовке уставов 1864 г., подчеркивал, что «такой суд не может быть опорой государства»²³. Н. В. Муравьев, возглавлявший Министерство юстиции в 1894–1905 гг., считал институты судебной реформы не соответствовавшими «особенностям государственного и общественного быта», но при открытии судебной палаты в Иркутске 2 июля 1897 г. говорил о том, что судебные уставы фиксировали «совершенные формы суда и высокие начала судебного производства» и представляли итог «того, до чего в течение целых столетий додумалось человечество в области правосудия»²⁴.

Базовые принципы судебной реформы, конечно, вошли в конфликт с существующей социально-политической системой иерархического и патриархального государства, где, как верно отмечает историк У. Вагнер, правительство и администрация привыкли действовать не считаясь с законом²⁵. Однако как раз правительство не стремилось отменить судебные уставы, и это стало важнейшим фактором их сохранения. Причиной такой амбивалентности можно считать, во-первых, бытовавшее в правительственной среде убеждение, что независимая юстиция является важным атрибутом любого цивилизованного государства, во-вторых, осознание того факта, что судебная система, введенная в 1864 г., в наибольшей степени стимулирует экономический рост. Именно интересы экономического развития в сочетании с боязнью его отрицательных побочных эффектов явились важнейшим фактором формирования пореформенной политики правительства по отношению к системе правосудия²⁶.

Законодательные новеллы 70–80-х гг. XIX в., обычно называемые как судебная контрреформа, были направлены на расширение и усиление правительственного контроля над правосудием, для того чтобы обеспечить общественный порядок и политическую стабильность в стране. Наблюдения показывают, что основные изменения и ограничения касались почти исключительно уголовного права. Развитие гражданского права и процесса в этот период являло собой разительный контраст с уголовным: так, юрисдикция судов по частноправовым спорам постоянно расширялась²⁷. Была уточнена юрисдикция коммерческих судов. Введение института земских участковых начальников тоже следует рассматривать как средство решения институционального конфликта: был сделан выбор в пользу прямого администрирования, в ущерб судебным процедурам, что являлось возвратом к отчасти апробированным технологиям управления.

Возвращаясь к теории исторической обусловленности, признаем, что перед нами частичная контрреформация, в ходе которой законодатель стремился к нивелированию

Оп. 1. Д.293. Л. 14–18; Д. 294. Л. 5–16; Набоков В. Работы по составлению Судебных Уставов. Общая характеристика судебной реформы // Судебная реформа. Т. 1. М., 1915. С. 306.

²² Московские ведомости 23 января. 1884 (передовая).

²³ Победоносцев и его корреспонденты: Письма и записки. Т. 1. Полутом 1. М.; Пг., 1923. С. 69.

²⁴ Муравьев Н. В. Из прошлой деятельности. Речи и сообщения. Т. 2. СПб., 1900. С. 412.

²⁵ Wagner W. Tsarist legal policies at the end of the nineteenth century: A study in inconsistencies // Slavonic and East European Review. P. 391–394.

²⁶ Ibid. P. 391.

²⁷ Ibid. P. 390.

недостатков действующего законодательства в сфере судоустройства и судопроизводства, выявившихся в первые пореформенные десятилетия. При таком подходе понятия «частичная контрреформация» и «судебная контрреформа» не синонимичны, поскольку последняя дефиниция в большей степени политизирована. Дальнейшая история судебной системы показывает плодотворность неоинституционального подхода. По мере трансформации социально-экономических и политических условий, другими словами, трансформации неформального контекста происходил возврат к тем институтам, которые в первые пореформенные десятилетия оказались неконгруэнтны традиционным паттернам. В качестве примера приведем реформу местной юстиции 1912 г. Вполне оправданны выводы ученых, которые указывают на корреляцию закона 15 июня 1912 г. со Столыпинской аграрной реформой, которая создала в сельской местности условия для функционирования мировой юстиции²⁸, хотя в полной мере институциональные гибриды, ставшие результатом судебных преобразований XIX в., устранить не удалось.

Принимая это во внимание, стоит сказать об эвристическом потенциале теоретико-методологической модели парциальной (частичной) модернизации, сторонники которой акцентируют внимание на длительности перехода от традиционности к современности, на симбиозе традиционных и модернистских элементов, на возможности «застревания» некоторых обществ на стадии «частичной» модернизации. Плодотворность этой концепции в данном случае состоит в том, что она проявляет чувствительность к константам цивилизационно-странового развития, благодаря чему позволяет преодолеть известный редукционизм модернизационной парадигмы²⁹.

Использование концепта длительного сосуществования и устойчивого воспроизводства пластов традиционных и модернистских элементов для интерпретации тенденций эволюции России изучаемого периода позволяет понять амбивалентность ее развития, распространение институциональных «гибридов», свойственных практически всем сферам общества, включая правовую. Отсюда проистекали возвратные движения в отечественной истории, непоследовательность политики, склонность к паллиативным мерам, длительность разработки и принятия решений, что, наверное, связано с постоянным стремлением достичь консенсуса соответствующего уровня. Возможно, такая модель развития может быть оправдана, поскольку на протяжении долгого времени обеспечивала устойчивость общественных и государственных институтов, регенерации после кризисных «смут» и расколов.

Указанные черты были свойственны политической системе, которая характеризовалась сохранением самодержавной формы правления, но при этом совершенно ясно прослеживаются два направления эволюции государственного уклада: 1) либеральное, которое предполагало утверждение правовых принципов и универсальности закона, а в конечном итоге – установление юридической ответственности и подконтрольности самодержавной власти, и 2) утилитарно-государственное, предполагавшее укрепление власти в ее исторически сложившейся форме и ужесточение государственного контроля над общественной жизнью³⁰.

Через их призму становится понятна эволюция государственно-правовой системы, когда, с одной стороны, проводятся реформы, направленные на разграничение функций между различными структурами власти, повышение значения закона в жизни общества, а с другой стороны, император сохраняет за собой все

²⁸ См., например: Лонская С. В. Мировая юстиция в России. Калининград, 2000. С. 141–145.

²⁹ См.: Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006. С. 217.

³⁰ См.: Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М., 2005. С. 322.

самодержавные полномочия. Более того, исключаются любые институты, которые могли бы ограничить его прерогативы. В итоге минимальны были процессы политической дифференциации, в результате чего не складывались различные центры власти, не формировалась плюралистическая система, отсутствовала политическая конкуренция. А ведь именно в таких условиях рождалась потребность в арбитре, без которого немислимо справедливое разрешение конфликтов и споров и, следовательно, поддержание стабильности и устойчивого развития. В России эту роль по-прежнему выполнял император, что проявлялось в его верховенстве даже в судебных делах. Согласимся с высказанной Н. Н. Ефремовой мыслью, что независимый суд еще не соответствовал социально-политической системе России того времени³¹.

В итоге продолжала сохраняться патерналистическая система, когда власть выступала единственным субъектом политического процесса. В такой системе вектор контроля и правления всегда строго сверху вниз, в то время как вектор подчинения – снизу вверх³². Поэтому общество постоянно нуждалось во внешних формах опеки, интеграции, контроля, управления.

Это непосредственно сказалось на положении суда. В России традиционно в юстиции не видели самостоятельной силы, выражающей интерес права, потому что право могло ограничить власть. Для того чтобы произошло обратное, нужны были сильные неполитические институты, которые бы порождали «спрос на право» в целом и «спрос на современный суд» в частности. Его формирование должно идти в первую очередь в экономической сфере. Россия в рассматриваемый период времени решала задачу перехода на новый тип экономической жизни – «индустриализм». Экономика такого типа предполагала высокий уровень технологического развития, расширенный рынок труда, финансов, ресурсов, высокий уровень деловой активности, опережающее развитие обслуживающих экономику образовательных, научных структур. Анализ соответствия этим индикаторам экономической жизни в России 1832–1917 гг. вновь показывает амбивалентность. С одной стороны, государственная политика соответствовала прогрессивным экономическим тенденциям, что нашло свое отражение в появлении вполне современных экономических достижений. С другой стороны, экономический рост не породил большого числа независимых экономических акторов, которые могли в общероссийских масштабах поставить вопрос об обеспечении своих экономических прав.

Примерно такой же сдерживающий эффект имело слабое развитие гражданского общества. Нарождавшиеся профессиональные, предпринимательские и культурные элиты стремились к обретению новой гражданской идентичности. Однако самодержавное правление слишком активно развивало публичную сферу, оставляя крайне мало места гражданскому обществу.

Наконец, нельзя не сказать о неразвитости правосознания основной массы населения. Применительно к рассматриваемому в работе периоду можно говорить только о начале процесса формирования современной правовой культуры в нашей стране. Об этом свидетельствуют появление новых правовых идей, гуманизация законодательства, развитие юридической техники. Однако доминирование государства имело своим следствием то, что в сознании общества правовые ценности были вытеснены политическими интересами, не было реального представления о роли права в общественной жизни. Более того, это формировало благоприятную среду для расширенного использования принуждения, что влекло за собой распространение правового нигилизма.

³¹ См.: Ефремова Н. Н. Судебные реформы в России: традиции, новации, проблемы // Государство и право. 1996. № 11. С. 86.

³² См.: Глинчикова А. Г. Модернити и Россия // Вопросы философии. 2007. № 2. С. 45.

Политизированность правового сознания была не единственной его чертой. Стоит сказать о слабом отграничении правовых представлений от моральных, неразделенности правовой и экономической сфер, что явилось отражением традиционности представлений основной массы населения. Минимальная автономизации права от сфер нравственности, политики, экономики усиливалась наличием архаизмов, а также негативных стереотипов в правовом сознании. Возможно, отмеченные черты правосознания объясняют многочисленные злоупотребления правами, которые допускали тяжущиеся в процессе отправления правосудия.